

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

НИКОЛАЙ II

жизнь и смерть

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 929(47) Николай II
ББК 63.3(2)62-8 Николай II
P15

Радзинский, Эдвард Станиславович.
P15 Николай II / Эдвард Радзинский. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Эдвард Радзинский. Лучшее).

ISBN 978-5-17-116715-8

И опять мерещится все та же ночь — финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

УДК 929(47) Николай II
ББК 63.3(2)62-8 Николай II

ISBN 978-5-17-116715-8

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

«И тогда соблазнятся многие,
и друг друга будут предавать,
и возненавидят друг друга;
и многие лжепророки восстанут,
и прельстят многих;
и, по причине умножения беззакония,
во многих охладееет любовь;
претерпевший же до конца спасется».

(Матфей 24:10-13)

ПРОЛОГ

Как и сейчас, век доживал тогда последние годы. Как и сейчас — пожилые люди жили тогда с печальным ощущением, что никакого отношения к тому грядущему, которое обещало человечеству расцвет науки и безмятежное процветание, они уже не имеют. Но молодые люди жили предощущением наступающего. Приходил век с особым, мистически кратным числом — «Двадцатый».

И двое счастливейших молодых людей — Ники и Аликс — влюбленные, которым довелось соединиться в браке, и повелители одной шестой части мира — также жили этим счастливым грядущим. И день их коронации обещал стать прологом к еще более счастливой жизни, которая непременно ждала их в новом веке.

14 мая 1896 года, Москва... Звенели колоколами кремлевские соборы. Молодой Николай и белокурая красавица царица вошли в Успенский собор. И стих колокольный звон, и замолчала запруженная людьми древняя площадь.

Успенский собор. Церемония священного коронования. И наступил великий миг: Государь принял корону из рук митрополита и возложил ее на свою голову...

Из речи митрополита: «Благочестивый Самодержавнейший Великий Государь император Всероссийский! Видимое и вещественное главы твоей украшение — явный образ есть — яко тебя, главу всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос благословением своим благодетным, утверждая

тебе владычественную и верховную власть над людьми своими»*.

18 июля 1918 года. Екатеринбург.

«Группы сложили в яму и облили лица и все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения... Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы не осталось». (Из «Записки» Я. Юровского, руководившего расстрелом Царской Семьи в ночь на 17 июля 1918 г.)

«Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь». (Слова из Библии, которые прочла дочери своей царица 16 июля 1918 года — в последний день их жизни.)

До конца своих дней царь Николай II сохранял некую тетрадь. Это конспект по истории России, который вел один из его великих предков — царь-реформатор Александр II, будучи наследником престола.

«Романовы...» — гордо озаглавлена тетрадь. «Романовы» — так можно озаглавить целых три столетия истории России.

Родоначальниками боярского рода Романовых были знатный выходец из Прусской земли Андрей Иванович Кобыла с братом своим Федором, пришедшие на Русь в XIV веке. Они дали начало многочисленному потомству и многим знатнейшим русским родам.

Праправнучка Андрея Кобылы Анастасия стала царицей — женой царя Ивана Грозного. Так потомки Андрея породнились с древней династией московских царей. Брат царицы Никита Романович был особо приближен к жестокому царю. Но умирает Иван Грозный. По его завещанию Никита Романович назначается одним из опекунов — советников своего племянника — нового царя Федора. Начинается борьба за власть.

* Здесь и далее во всех цитируемых документах, дневниках, письмах, воспоминаниях и т.п. сохраняются стиль, орфография и пунктуация оригиналов. Курсив в цитатах мой. — *Примеч. Э.Р.*

По навету всесильного Бориса Годунова — тестя царя Федора — старший из сыновей Никиты Романовича пострижен в монахи под именем Филарета.

Умирает царь Федор, и прекращается древняя династия Рюриковичей. И тогда наступают невиданные, темные времена на Руси — времена Смуты. Избрание на царство Бориса Годунова, подозреваемого в убийстве наследника престола малолетнего Дмитрия; невиданный голод и мор; смерть Годунова; нашествие поляков на Русь и самозванец Лжедмитрий, посаженный поляками на русский престол; всеобщее обнищание, людоедство и разбой...

Тогда, в дни Смутного времени, Филарет Романов был возвращен из ссылки и стал митрополитом Ростовским.

Но изгнаны поляки из Москвы, погиб лжецарь, и в 1613 году Великий Земский Собор прекращает наконец страшную эпоху междуцарствия и Смуты.

Сын митрополита Филарета Михаил Романов, находившийся в это время в Костромском Ипатьевском монастыре, был единогласно избран на царство. 21 февраля 1613 года началась трехсотлетняя история Дома Романовых.

Под диктовку учителя записал дед Николая благостный рассказ об основании своей династии:

«Мать, обливаясь слезами умиления, сама благословила его на царство. Согласие Михаила стать царем было встречено радостью всеми жителями, которые ликовали. Михаил, недолго остававшийся в Ипатьевском монастыре, двинулся в Москву...»

Мистика истории: Ипатьевским назывался монастырь, откуда первый Романов был призван на царство. И дом, где расстался с жизнью последний царствовавший Романов — Николай II, — назывался Ипатьевским по имени владельца дома инженера Ипатьева.

Михаил — имя первого царя из Дома Романовых и имя того последнего, в чью пользу безуспешно отрекся от престола Николай II.

Часть первая
ПЕРЕЛИСТЫВАЯ
ЦАРСКИЕ ДНЕВНИКИ

ГЛАВА 1. ФОНД КРОВИ

В шестидесятих годах уже нашего века в Москве жила странная старуха: морщинистое лицо покрывал чудовищный слой театрального грима, согнутая фигура качалась на высоких каблуках... Она двигалась почти ощупью, но ни за что не надевала очков. Она не желала выглядеть старухой! По Театральной энциклопедии ей шел тогда девятый десяток.

Это была Вера Леонидовна Ю. — театральная звезда начала века. После ее спектаклей поклонники-студенты впрягались вместо лошадей в экипаж и везли ее домой. Когда-то... Но теперь бывшая роковая красавица доживала в коммунальной квартире на нищенскую пенсию. И сдавала одну из двух своих комнат мне, жалкому студенту Историко-архивного института.

По вечерам, возвращаясь домой, я часто беседовал с ней на коммунальной кухне... Кабинеты петербургских ресторанов, таинственный Яхт-клуб с великими князьями, дворцы в белой ночи... Этот затонувший мир Вера Леонидовна насмешливо называла «Атлантидой»... Она сыпала именами: «Аня» — просто Аня — оказывалась Анной Вырубовой — роковой подругой императрицы... И — «Сана»... Впрочем, для остальной России «Сана» тогда была императрицей Александрой Федоровной...

Так начались наши ежевечерние беседы на московской кухне — путешествие в затонувшую «Атлантиду»... Я жадно записывал ее рассказы... И сейчас, когда я прочел множество воспоминаний участников тех бурных событий, ее суждения со-

храняют для меня особое очарование. Именно потому, что она не была участником...

Уж очень они пристрастны. Я понимаю формулу: «Врет, как участник». Вера Леонидовна — всего лишь современник, любопытствующий человек со стороны.

И был один из рассказов Веры Леонидовны о конце «Атлантиды»:

«Уже после революции моим мужем стал Михаил К. «Еще одна победа большевиков», — написала эмигрантская газета о нашем союзе. (К. был знаменитым журналистом в 20-30-х годах, расстрелян в годы террора. — Э.Р.)

В гостинице «Метрополь» жили тогда видные большевики. Для развлечения они часто приглашали туда писателей, журналистов, служивших новой власти. К. часто бывал в «Метрополе». Однажды он встретил там двоих...

Один был главой большевиков в Екатеринбурге, когда там расстреляли царскую семью, другой — руководил расстрелом.

И они вспоминали, как все было... Пили чай вприкуску, хрустели сахаром и рассказывали, как пули отскакивали от девочек и летали по комнате... Их охватил страх, и они никак не могли добить мальчика... он все ползал по полу, закрываясь рукой от выстрелов. Они только потом узнали: на великих княжнах были пояса, в них были защиты бриллианты... Бриллианты их защитили... К. потом говорил, что наверняка должна была быть фотография этого ужаса: «Уж очень они гордились — последнего царя ликвидировали, — не могли они потом не сняться с убитыми. Тем более что этот главный убийца был в прошлом фотограф». И К. все искал эту фотографию».

Царевубийцы за чаем... и пули, которые отскакивают от девушек, и мальчик на полу, и фотография... этого я уже не мог забыть.

А потом в моем Историко-архивном институте я услышал о секретной «Записке», которую написал тот самый бывший фотограф, руководивший расстрелом Царской Семьи. Его звали Яков Юровский. В этой «Записке» он все будто бы изложил.

Уже проходя архивную практику, я оказался в Центральном архиве Октябрьской революции. И тотчас наивно спросил о «Записке» Юровского.

— Не существует никакой записки Юровского, — жестко ответила сотрудница, как бы подчеркивая бестактность вопроса.

Но фонд Романовых мне показали. К моему изумлению, во времена, когда все было засекречено, эти документы выдавались.

Сначала я увидел альбомы с романовскими фотографиями — все та же сотрудница с бескровным лицом вносила и уносила один за другим гигантские альбомы — сафьяновые, кожаные, с царскими гербами и без... Ни на секунду не оставляла она меня наедине с этими фотографиями. Сначала холодно-равнодушно, а потом, забывшись, увлекшись, объясняла мне каждую из них, будто хвастаясь этой диковинной, исчезнувшей жизнью... Тусклые картинки царских фотографий были окном, куда она заглядывала из нищеты, скучной жизни.

— Они все снимали, — с какой-то гордостью объясняла она. — У всей семьи были фотоаппараты: снимали дочки, сам царь и царица.

Фотографии, фотографии... Высокая тонкая красавица и милый молодой человек — время их помолвки.

Первый ребенок — девочка на слабых ножках.

А вот уже четыре дочери сидят на кожаном диване... А вот появился мальчик — долгожданный наследник престола. Вот он — с собакой, вот — на велосипеде с огромным колесом — забавном велосипеде того века. Но куда чаще он в постели — и рядом императрица. Как она постарела... глядит в фотоаппарат, глядит на нас... Горькая складка вокруг рта, тонкий нос стал крючковатым — печальная, немолодая женщина.

А вот Николай и будущий английский король Георг, они смотрят друг на друга — поразительно, до смешного похожие (их матери были сестрами). Фотография царской охоты: огромный олень с гигантскими рогами лежит на снегу... А вот отдых: Николай купается — он нырнул и плавает совершенно голый, — и со спины его обнаженное сильное тело.

Николай II

Я часто вспоминал потом эти фотографии: мертвый олень и голый царь... Когда думал, как он, мертвый и голый, лежал на теплой июльской земле у той ямы, куда бросили потом его тело.

А потом я начал читать его дневник.

Июль 1918 года. Чехословацкий корпус и казачьи части подошли к Екатеринбургу. Большевики должны сдать город... Последним поездом выехал из Екатеринбурга Яков Юровский. В царских кожаных чемоданах «секретный курьер» (так он официально назывался в документах) вывез свой груз — семейный архив только что расстрелянных Романовых.

Как он ехал в поезде... Просматривал альбомы с фотографиями... Бывшему фотографу это так интересно. Но главное, конечно же, он прочел дневник царя. Дневник того, с кем отныне и навсегда будет связано его имя. С каким чувством он листал его в долгой дороге, пытаясь представить эту жизнь, протекавшую на глазах целого мира...

Так собирался в Центральном архиве Октябрьской революции «Романовский фонд»... Я называю его — «Фонд крови».

36 лет непрерывно вел Николай свой дневник. Он начал его в 14 лет в 1882 году в Гатчинском дворце и закончил пятидесятилетним арестантом в Екатеринбурге.

50 тетрадей исписаны от начала до конца его аккуратным почерком. Но последняя, 51-я тетрадь заполнена лишь до половины: оборвалась жизнь — и остались пустые, зияющие страницы, заботливо пронумерованные впрок автором. В этом дневнике нет размышлений и редки оценки. Дневник — запись основных событий дня, не более. Но там остался его голос. Мистическое могущество подлинной речи...

Этот молчаливый, замкнутый человек будет рассказывать. Он сам поведет через свою жизнь. Он — автор.

Я листаю его дневник... Это вечное и такое банальное ощущение в архиве: ты чувствуешь другие руки — соприкосновение рук через столетие.

ГЛАВА 2. ДНЕВНИК НАЧИНАЕТСЯ

Автор родился 6 мая 1868 года. Старинная фотография: ангелоподобный младенец с длинными кудрями в кружевной рубашечке пытается заглянуть в книгу, которую держит мать. Здесь Николаю год.

И другая фотография: модно опроборенный юноша.

В 1882 году Николай получает в подарок от матери «Памятную книжку»: с золотым обрезаем, в переплете драгоценного дерева с инкрустацией.

Эта роскошная книжка и стала первой тетрадью его дневника. Причина, по которой с 1882 года Николай начинает непрерывно заполнять свой дневник, — роковой день русской истории — 1 марта 1881 года.

В промозглую ночь на 1 марта 1881 года в одной из петербургских квартир долго не гасили свет. Накануне с раннего утра в квартиру беспрестанно забегали некие молодые люди. С восьми вечера в квартире остались шестеро: четверо мужчин и две женщины. Одной была Вера Фигнер, знаменитая руководительница террористической организации «Народная воля». Впоследствии в своей автобиографии она опишет этот день.

Другая — Софья Перовская. Перовской предстояло утром непосредственно участвовать в деле, и ее уговорили заснуть.

Вера Фигнер и четверо мужчин работали всю ночь. К утру они наполнили «гремучим студнем» жестянки из-под керосина. Получились четыре самодельные бомбы.

Делом было убийство царя Александра II, одного из величайших реформаторов в истории России. В те весенние дни он готовился дать России желанную конституцию, которая должна была ввести феодальную деспотию в круг цивилизованных европейских государств. Но молодые люди боялись, что конституция создаст ложное удовлетворение в обществе, уведет Россию от грядущей революции. Царские реформы казались им слишком постепенными. Молодые люди спешили.

К тому времени террористы-революционеры уже совершили семь неудачных покушений на царя. Двадцать одна смертная казнь была ценой. И вот опять они вышли на Петербургскую улицу — убить царя.

В тот день в казармах Павловского полка, выходящих на Мойку и Марсово поле, стоял в карауле молодой солдат Александр Волков. Со стороны Екатерининского канала он услышал два мощных взрыва, увидел, как медленно расходился дым. А потом мимо Волкова промчались полицмейстерские сани.

Три казака из царского конвоя поддерживали умиравшего царя: двое стояли на полозьях по бокам, один впереди. Его черкеска почернела от крови Александра. Оборванные мускулы на ногах царя кровоточили. Сани направлялись в Зимний. «Там умереть хочу», — повторял царь. Александр II был смертельно ранен бомбой, сделанной в той самой петербургской квартире. Бомба, убившая православного царя, была заgrimирована под пасхальный кулич. Хорош был пасхальный подарок — не забыли молодые люди про иронию.

А потом мимо Волкова в Зимний промчалась карета в сопровождении конвоя. Огромный, тяжелый лысый человек и тринадцатилетний мальчик сидели в карете — новый царь Александр III и его сын — Николай, ставший в тот день наследником русского престола.

Вся жизнь стоявшего в тот день в карауле солдата Александра Волкова будет связана с этим мальчиком, сидевшим в карете. Между двумя царевбийствами пронесется его жизнь.

Между тем Вера Фигнер уже узнала о смертельных ранах Александра II. Это вызвало странный восторг у молодой женщины. «От волнения я едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала: тяжелый кошмар, давивший в течение десятков лет молодую Россию, был прерван. Все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь». И они обнимались от счастья — молодые люди, убившие царя-реформатора.

«Революционер есть человек обреченный...» — это цитата из знаменитого «Катехизиса революционера» Бакунина. Согласно этому «Катехизису», революционер должен: порвать с законами и условностями цивилизованного мира, отречься от всякой личной жизни и кровных связей во имя революции. Презирать общество, быть к нему беспощадным, самому не ждать пощады от общества и быть готовым к смерти. И усугублять всеми средствами беды народа, толкая его к революции. Знать: все средства оправдываются одной целью — Революцией...

Неподвижную российскую телегу они решили смазать кровью. И вперед — туда, к 1917 году, к екатеринбургскому подвалу, к великому Красному террору, — покатиться, покатиться...

Царь Александр II в муках скончался во дворце.

Это видение: истекавший кровью дед — не покинет Николая всю его жизнь.

В крови он стал наследником престола.

«Пролитая царская кровь» породила его дневник. Николай — Наследник. Теперь его жизнь принадлежала истории — с Нового года он должен фиксировать свою жизнь.

СЕМЬЯ АВТОРА

Историки отмечали: в результате бесконечных династических браков в жилах русских царей Романовых к XX веку почти не осталось русской крови...

Но «русский царь» — уже национальность. И немецкая принцесса, прославившаяся в русской истории под именем импера-

трицы Екатерины Великой, чувствовала себя истинно русской. Настолько русской, что, когда ее родной брат собрался посетить Россию, она с негодованием сказала: «Зачем? В России и без него немцев предостаточно». И отец Николая — Александр III — и по внешности, и по привычкам — типичный русский помещик, обожающий все русское. И гордая формула — «Самодержавие, православие и народность» — в немецкой крови русских царей.

Мать Николая — датская принцесса Дагмара, его бабка — датская королева. Бабку прозвали «тещей всей Европы»: ее бесчисленные дочери, сыновья и внуки породнили между собой почти все королевские дома, объединив таким забавным образом материк от Англии до Греции.

Ее дочь принцесса Дагмара сначала была помолвлена со старшим сыном Александра II — Николаем. Но Николай умирает от чахотки в Ницце, наследником престола становится Александр. Вместе с титулом новый наследник взял в жены невесту покойного брата: на смертном одре умирающий Николай сам соединил их руки. Датская принцесса Дагмара стала Ее Императорским Высочеством Марией Федоровной.

Брак оказался счастливым. У них много детей. Александр был замечательным семьянином: хранить устои в семье и государстве — его главная заповедь.

Постоянство — главный девиз отца Николая — будущего императора Александра III.

Реформы, изменения и поиск — главный девиз его деда-императора Александра II.

И эти частые увлечения новыми идеями находили своеобразное продолжение в бесконечных любовных увлечениях деда. Романы Александра II следовали один за другим. Пока не появилась она — красавица княгиня Долгорукая. К изумлению всех, Александр II верен новой любовнице. Рождаются дети. Возникает официальная вторая императорская семья, там Александр II проводит теперь почти все время, туда едут с докладами его министры. И когда началась охота революционеров за царем, дед Николая сделал экстравагантный шаг: для безопасности он поселил обе свои семьи в Зимнем дворце.